

Богатство возможностей

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Сегодня в Большом зале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича в рамках фестиваля искусств «Белые ночи» состоится концерт солистки Кировского театра заслуженной артистки РСФСР Е. Гороховской.

Ее голос — высокое меццо-сопрано — временами близок к драматическому. Глубокий и чистый, свежий и звонкий, без примеси какой-либо характерности, он удивительно соединяет легкость и густоту. Достаточно сильный для звучания на фортиссимо, гибкий в модуляциях, «полетный», подчас он все же кажется скорее камерным. Последнее определенно ничуть не снижает природное богатство певческих возможностей певицы. Оно лишь подчеркивает доминирующую у нее краску задушевности. Но голос по воле певицы наполняется подчас огромным воодушевлением, даже неистовостью... Тогда он окрашивается уже не светло, алмазно, а трагически непроницаемо, мрачно.

Даже в небольших партиях, лишенных действия начала, выплескивается ее страстность, окрашивающая привычно блеклые образы резкой и внезапной отметиной. В свой первый сезон работы в Кировском театре (восемь лет назад) Евгения Гороховская сыграла Зибеля в опере «Фауст». И это выступление стало неожиданным событием вечера. Когда ее Зибель — прямой и стройный, как тростинка, со светлыми кудрями паж, оттененными черным беретом, в сером кафтане и брючках, заправленных в сапожки, появился на сцене, он сразу приковал к себе внимание. Первые звуки объемного и сочного голоса вызвали овацию. Обещая стать защитником Маргариты, Зибель в печальном порыве передавал свою любовь к ней. Юношеская пылкость, оборачивающаяся стремительностью движений, совпадала с музыкальным ритмом. Искренность

героя была обезоруживающей и подкупала.

Все то, что Зибель Гороховской успевает пережить к 3-му действию, в арии «Расскажите вы ей» выливается в глубокое, уже не затаенное, а страстно, трепетно открытое пение. Вальсовый ритм мелодии, увлекая своим кружением, как бы окрылял ее Зибеля. Этот Зибель не укладывался в традиционные рамки академического исполнительства. В нем было привычной элигичности или штампа кокетливости.

Образ Полины в «Пиковой даме» тоже, казалось бы, лишен драматургического развития. В самом деле, всего один раз выйти на сцену, спеть красивый, но архаически стилизованный романс «Подруги милые» в духе сентиментализма, растворить свое «я» в дуэте с Лизой и по укоренившейся обязанности завести плавную. Чтобы, больше не появившись в спектакле, быть вытолкнутой из него драмой главных героев. Таково традиционное представление о «голубой» Полине.

У Гороховской все не так. Вместо благонаправной воспитанницы графини появляется женщина со своей тайной. Худощавая и горделивая. Легкая и гибкая. Она сразу становится центром притяжения в девичьей гостиной. Садясь за белый рояль, она, аккомпанируя себе, тихонечко как бы вспоминает слова... Очень, очень тихо... И вятно. Сидящие полукругом возле нее девушки уже потянулись к ней, привороженные мелодией. И начатое музицирование переходит в свободно льющемся пение. Встав от рояля, Полина Гороховской поет, все больше разгораясь и неведомым образом исчезает

округлость старомодно длинных фраз, которые звучали бы безнадежно холодно и академически скучно, если бы их не пронизывал наполняющийся все большей экспрессией глубокий, волнующий голос. Так вставной концертный номер перерастает у певицы в сценический монолог — исповедь о любви и смерти.

Америс Гороховской в «Аиде» кажется выточенной подобно статуе Изиды. Две лейт-темы дочери фараона (мотив ее любви и мотив ревности), звучащие в оркестре, раскрывают она в экспрессии пения. Интенсивность взмывающего вверх или опускающегося вниз голоса соединяется у исполнительницы с особой грацией и взглядом тигрицы, проникающим в сердце Аиды. В массовой сцене встречи Радамеса она славит его с картиной воздетой рукой. Поза соответствует дворцовому восточному этикету. Но за этим знаком монаршей милости вся она сама — густок воли, упругости, огня и веры в свою судьбу.

В сцене дуэта Аиды и Америс Гороховская тонкими психологическими нюансами передает сложность душевных движений своей героини, ее

приторную доверчивую ласковость и открытую ненависть.

В камерном исполнительстве, которому с большой творческой увлеченностью посвящает много внимания, уже давно выявилась ее склонность к русским народным интонациям. В песнях из цикла В. Гаврилина «Русская тетрадь» она тончайшим образом соединяет дух деревенско-чашущего переливчатого выпеванья — выкликанья с классической вокальной прикрытостью звука. Она чувствует, что композитор не имитирует фольклор, а опирается на него, преломляя в современность сохраняемые веками традиции.

Это художественное чутье певицы, помогающее ей выразить подлинное там, где в других случаях была бы только стилизация, позволило ей найти ту меру соотносительности фольклорно-бытового и классически аранжированного, которая так очевидна в исполняемых ею песнях в опере-балете «Пушкин» А. Петрова.

Действие этого вокально-хореографического произведения полифонично. Во время, как на сцене свершается жизненная трагедия величайшего поэта, два голоса обретают свое самостоятельное звучание, то контрастируя с происходящим, то создавая его эмоциональный фон. Один голос принадлежит чтецу, наполнен величественной декламационностью. Другой — певице.

Не вступая во взаимоотношения с кем-либо из действующих лиц, не имея драматургии роли, певица все же участвует в спектакле не концертно, а образно.

Евгения Гороховская умеет найти ключ к музыке разных авторов. Ей удается передать всю красоту и глубину романсов русских композиторов, светлую лирику шубертовских песен. Три песни Б. Тищенко на слова М. Цветаевой пронзаны в ее исполнении трагизмом и горечью. Восемь романсов В. Баснера на стихи А. Ахматовой, посвященные композитору певице, раскрывают богатые вокально-декламационные возможности таланта артистки. Неистовая на оперной сцене, певица и в камерную лирику вносит беспокойство порыва, полнозвучность вокальных красок.

А. ЦЫБУЛЬСКАЯ

24 ИЮН 1983

Вечерний Ленинград
г. Ленинград